

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Институт общественных наук
Школа актуальных гуманитарных исследований
Лаборатория востоковедения и компаративистики

ВОСТОЧНАЯ ПАНОРАМА

Актуальный бюллетень
Лаборатории востоковедения и компаративистики
ШАГИ РАНХиГС

№2 (6)

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва
2018

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

В шестом номере ежеквартального бюллетеня Лаборатории востоковедения и компаративистики культурологический комментарий к актуальным событиям в странах Ближнего и Дальнего Востока библеист Андрей Десницкий рассказывает о недавно вышедшем комментированном издании Посланий апостола Павла и о том, какое отношение эти тексты имеют к сегодняшнему дню. Статья Георгия Старостина неожиданным образом соотносит древнекитайскую пиктографическую, или протоиероглифическую, письменность с сегодняшними пиктограммами-эмодзи, использующимися в интернете. Ольга Лебедева пишет о японской замковой архитектуре и ее сохранении в современной Японии.

Редакторы: Г.С. Старостин, О.И. Лебедева

vostlab.bulletin@gmail.com

Лаборатория востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС

shagi.ranepa.ru/lab/east

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Десницкий. Актуальный апостол Павел	4
Г. С. Старостин. От гадательных писем к Веб-стикерам: как древняя «утилитарность» становится современной «кавайностью»	7
О. И. Лебедева. Замки Японии вчера и сегодня	11

АКТУАЛЬНЫЙ АПОСТОЛ ПАВЛ

В 2017 году вышло комментированное издание четырнадцати новозаветных Посланий, связанных с именем апостола Павла, в настоящее время готовится к изданию мой перевод на русский язык этих и других Посланий. Эти небольшие тексты принадлежат, пожалуй, к самому изученному в мире корпусу – к Новому Завету, второй части Библии. Здесь едва ли в принципе возможны находки каких-то новых документов или сенсационные открытия, заставляющие пересмотреть старые подходы. Почему же споры о прочтении текстов Павла остаются актуальными до сих пор?

Разумеется, дело прежде всего в той роли, которую Библия сыграла в истории нашей цивилизации. Вне зависимости от нашего личного отношения к религии, мы живем в мире, который во многом сформирован именно этими текстами. И это означает, что самые разные группы людей обращаются к ним в поисках ответов на злободневные вопросы или аргументов в поддержку своей позиции. Упрощенно говоря, можно сказать что Реформация, навсегда изменившая христианский мир, началась как спор о толковании некоторых мест Нового Завета, прежде всего утверждения Павла о том, что человек спасается верой, а не добрыми делами.

В результате каждая конфессия или школа выработала свое понимание этих текстов и придерживалась его. Можно отметить, что большинство разделений внутри протестантского мира так или иначе было связано с истолкованием определенных мест у Павла – а еще точнее, с систематизацией его письменного наследия. Он обращался к разным общинам и людям, рассматривая их конкретные ситуации и прибегая к сложной риторике – но богословы последующих времен обычно толковали его тексты так, как будто он читал систематический курс лекций по догматике. Ситуация еще более осложнилась, когда возникли сомнения в принадлежности Павлу некоторых Посланий – если автором выступил не он, а его ученики, можно ли считать их произведения равноценными собственно Павловым Посланиям?

Рис. 1. Лист папируса P46 из собрания папирусов ирландской библиотеки Честера Битти (Дублин), содержащий фрагмент Второго послания к Коринфянам апостола Павла (2 Кор 11:33-12:6)

В результате в последние полвека возник так называемый «новый взгляд» на Павла, который ставит его тексты в широкий культурно-исторический контекст той эпохи и применяет к ним те герменевтические методы, которые возникли в последние десятилетия. К тому же меняется человеческое общество и старые ответы его перестают устраивать.

Широко распространился когнитивный подход к анализу самых разных текстов, в том числе и библейских. Там, где при более традиционном подходе видели законченные богословские утверждения, сейчас склонны находить метафоры, которые укоренены в определенной культуре

и выражают мнение говорящего не напрямую, а опосредованно, так что понять его можно только с учетом всего культурно-исторического контекста и концептосферы, в которой мыслил автор.

Вот простейший пример: вопрос об отношении Павла к власти казался раз и навсегда решенным. В 13-й главе Послания к Римлянам Павел декларирует принцип полной и безусловной лояльности существующей государственной власти. Но к концу XX века этот простой ответ уже не выглядит исчерпывающим и однозначным: что делать, если эта власть тоталитарной диктатуры? Для немецких христиан тридцатых и сороковых годов этот вопрос стоял очень остро. История тоталитарных и авторитарных режимов XX века, кроме того, показала, что декларируемая лояльность может не иметь ничего общего с реальной, а подлинные идеи автора могут высказываться «эзоповым языком». Могло ли такое быть и с Павлом?

Ключевой текст, описывающий его отношение к власти, – начало 13-й главы к Римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога (οὐ γὰρ ἔστιν ἐξουσία εἰ

μὴ ὑπὸ θεοῦ); существующие же власти от Бога установлены» (здесь и далее цитируется традиционный Синодальный перевод). Знаменитые слова «нет власти не от Бога» здесь не очень точно переведены: речь идет не о власти как структуре или принципе (это скорее передавалось бы словом ἀρχή), а, по сути, о полномочии что-то совершать, и оно не то чтобы «исходит от Бога», оно Богом дано: предлог ὑπὸ с родительным падежом указывает на имя деятеля при пассивной конструкции, только глагол в данном случае элидирован. Перед нами не столько апология власти как таковой, сколько богословское утверждение: если кому-то даны некие полномочия и возможности, то они даны Богом, и ответственность человек несет прежде всего перед Ним.

Далее, разумеется, упомянуты и начальствующие (ἄρχοντες), но именно как Божьи служители (leitourgoi) – в Новом Завете это слово практически всегда употребляется в сакральном контексте. Возможно, в свете сказанного выше, Павел имеет в виду, что земные власти, пусть даже неосознанно, исполняют порой некое священное служение, служат орудиями в ру-

Рис. 2. Римский форум (современная фотография): триумфальная арка Септимия Севера (в центре) и колонны храмов Сатурна (справа) и Веспасиана и Тита (слева)

ках Бога. При этом пресловутая «власть» может выступать и как потенциальная угроза, в том же Послании мы читаем (8:38–39): «...я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала (ἀρχαί), ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем». Но если не могут – значит, пытаются. Экзегеты спорят, имеются ли тут в виду некие духовные силы или земные инстанции, а может быть, и то и другое, но в любом случае от сакрализации власти как таковой этот пассаж очень далек.

К тому же Послание направлено в Рим, столицу империи, и шансы, что оно будет прочитано при императорском дворе, были достаточно велики. Вполне естественно ему было бы выразить в письме максимальную лояльность к императорской власти – но в таком случае его слова звучали в достаточной мере ритуально и формально, как восхваления в адрес советского правительства в «Журнале Московской патриархии» былых годов.

Об отношении внутри общества и о взаимодействии с властями говорит не в меньшей мере и другое послание – 1 Коринфянам. Вот лишь один отрывок, 2:6–8: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих (τῶν ἀρχόντων τοῦ αἰῶνος τοῦτου τῶν καταργουμένων), но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы (οὐκ ἂν τὸν κύριον τῆς δόξης ἐσταύρωσαν)». Итак, именно Иисус есть подлинный Господь – а ведь это официальный титул римского императора (греч. κύριος, лат. dominus). А «власти века сего» объявлены преходящими, т.е. временными

Разумеется, Павел не призывает к мятежу, но при внимательном прочтении лояльность существующей власти обретает совсем другой смысл: это скорее призыв потерпеть и воспринимать существующую власть как еще один инструмент в руках Бога, осуществляющего в истории таинственный замысел.

В Послании Филиппийцам, написанном, по всей видимости, в заключении, в ожидании суда у римского императора, возможно даже, в самом Риме, Павел пишет о Христе (2:9–11): «Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь (κύριος) Иисус Христос в славу Бога Отца». Таким образом,

подлинным Царем и настоящим Господом Павел считает только Иисуса.

В 3:20 он говорит еще более откровенно: «Наше же жительство (πολίτευμα) — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа (σωτῆρα ἀλεκτερόμεθα κύριον Ἰησοῦν Χριστόν)». Слово πολίτευμα не просто означает место жительства, как можно подумать исходя из Синодального перевода, скорее это и есть «государство» или «гражданство». По сути, это яркая декларация лояльности только Христу. К тому же здесь употреблено не только слово κύριος («Господь»), но еще и σωτῆρ («Спаситель») – оба слова еще в эллинистическую эпоху вошли в титулатуру монархов.

Как согласовать это с Посланием к Римлянам? Никакого противоречия нет, если помнить, что высказывания могли описывать реальность на разных уровнях (эмпирическая данность и подлинная суть вещей) и к тому же быть обращены к разным аудиториям. С одной стороны, Павел призывает уважать существующий порядок вещей и подчиняться требованиям властей, которые его поддерживают; возможно также, он заверяет имперские власти в лояльности христиан и остужает слишком горячие головы, стремящиеся к бунту. С другой, он напоминает о том, что человеческие власти – лишь инструмент в руках Бога, с Которым одним христиане и выстраивают свои отношения в полной уверенности, что последнее слово всегда остается за Ним.

<http://esxatos.com/pavlovy-poslaniya-kommentirovannoe-izdanie-andrey-desnickiy>

Литература по теме:

- Павловы Послания. Комментированное издание / Под ред. А.С. Десницкого. М.: Гранат – Институт перевода Библии, 2017.
- Dunn J. D. G.* The New Perspective on Paul / rev. ed.; Tübingen: Mohr Siebeck, 2005.
- Fee G.* Pauline Christology: an exegetical-theological study. Peabody: Hendrickson, 2007.
- Kim S.* Christ and Caesar: The Gospel and the Roman Empire in the Writings of Paul and Luke. Grand Rapids: Eerdmans, 2008.
- Dunn J. D. G.* The Theology of Paul the Apostle. Grand Rapids: Eerdmans, 1998.
- Martyn J. L.* Theological Issues in the Letters of Paul. London: T & T Clark, 2005.
- Wright N.T.* Paul and His Recent Interpreters. Minneapolis: Fortress Press, 2015.

ОТ ГАДАТЕЛЬНЫХ ПИСЬМЕН К ВЕБ-СТИКЕРАМ: КАК ДРЕВНЯЯ «УТИЛИТАРНОСТЬ» СТАНОВИТСЯ СОВРЕМЕННОЙ «КАВАЙНОСТЬЮ»

В 2017 году археолог Ли Цзы-и, совмещающая профессиональный интерес к китайской археологии с любовью к поп-культуре, нарисовала и опубликовала «археологический комикс», в котором, с должным соблюдением баланса между юмором и профессионализмом, доступно описываются основные моменты работы современного археолога. Учитывая, что, по признанию самого археолога, в эту профессию ее привела детская любовь к фильмам об Индиане Джонсе, в каком-то смысле можно считать, что публикация комикса стала для нее компенсацией того неминуемого легкого (или тяжелого) разочарования, которое ожидает каждого юного специалиста, ожидающего от работы романтики, а не рутины. Книга, тем не менее, получила признание не только среди широкой публики, но и среди специалистов-коллег.

Популяризаторская деятельность Ли Цзы-и на этом, однако, не остановилась: в конце 2017 — начале 2018 года несколько популярных сайтов в Китае и за рубежом перепечатали новость о том, что в одном из крупнейших китайских мессенджеров WeChat набирают широкую популярность созданные ею веб-стикеры¹, на которых она изображает современные китайские афоризмы, высказывания и Интернет-мемы древними формами иероглифов — в основном заимствованными из раскопанных в 1920-е годы так называемых писем цзягувэнь ('знаки на черепаших панцирях и животных костях'), относящихся к эпохе правления первой китайской исторической династии Шан-Инь и представляющих собой древнейшие известные нам формы китайской иероглифической письменности (рис. 3).

Использование древних форм иероглифов в чисто декоративных целях для Китая, конечно, не в новинку: старые знаки, записанные в так на-

зываемых стилях «большой» и «малой» печати (эпоха Чжоу, XI-III вв. до н.э.), в Китае можно обнаружить везде, от декора посуды до татуировок. Однако говорить о «моде» на древнюю иероглифику до настоящего времени все же не приходилось, и поэтому вряд ли случайно, что популярность идеи Ли Цзы-и (по сообщению Жэньминь жибао, количество скачиваний стикеров уже превысило 100 тыс.) совпала с общей популярностью среди Интернет-пользователей «мини-картинчатого» способа общения с помощью стикеров, гифок и эмодзи — нового пиктографического инструмента коммуникации, в который, как оказалось, чрезвычайно органично встраиваются и древнейшие знаки китайского письма.

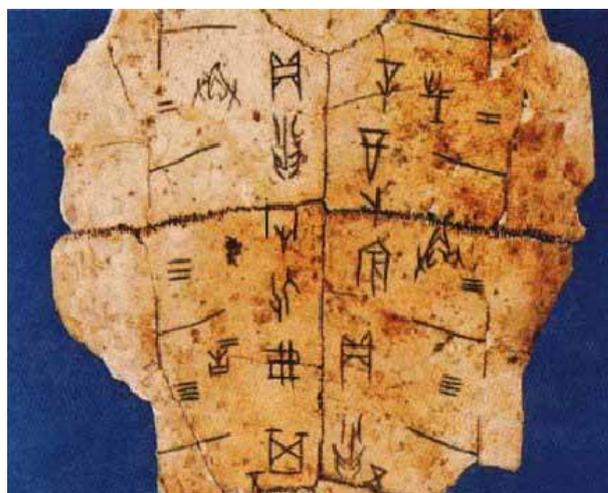

Рис. 3 Образец гадательной надписи в стиле цзягувэнь (эпоха Шан-Инь, XIII-XI вв. до н.э.).

В чем секрет успеха идеи? Как известно, китайское письмо по происхождению само по себе имеет пиктографический характер. Современные иероглифические знаки, хотя и могут использоваться в чисто эстетических целях (каллиграфия в странах Дальнего Востока — отдельный вид искусства), все же имеют достаточно абстрактный характер, так как представляют собой

¹ Веб-стикеры в Китае на сегодняшний день можно считать одним из основных «трендов» в сфере веб-коммуникаций, см. комментарий Цзэн Юй-ли: <http://www.sixthtone.com/news/1000812/why-young-chinese-are-so-crazy-about-online-sticker-sets>.

Ср. современные начертания:

馬	犬	女	黍	目
‘лошадь’	‘собака’	‘женщина’	‘просо’	‘глаз’

и их древние эквиваленты в стиле цзягувэнь:

Рис 4

‘лошадь’

Рис 5

‘собака’

Рис 6

‘женщина’

Рис 7

‘просо’

Рис 8

‘глаз’

результат длительной эволюции «картиночного» письма, в ходе которого изначальные сложные символы упрощались и стандартизировались. В этом смысле представление о китайском письме как об «идеографической» системе, в которой письменный знак якобы может передавать значение без обязательной привязки к конкретному языку, конечно, гораздо нагляднее иллюстрируется древними, нежели современными иероглифами.

Очевидно, что древние пиктограммы — отличный материал для стикеров, и здесь надо отдать должное Ли Цзы-и, сумевшей подать его в правильном ключе, органично соединя древние символы с близкой юному поколению стилистикой мема: так, например, на стикере

你瞅啥

Рис 9

древнее изображение иероглифа ‘глаз’ комбинируется с современной разговорной фразой 你瞅啥 *ни чоу ша*, примерно соответствующей русскому ‘на что зришь?’ (диалектное высказывание, ставшее популярным в Интернете через серию роликов на YouTube). А на стикере

Рис 10

разговорное выражение 溜了溜了 *лю-лэ лю-лэ* ‘я побежал’, ‘пока-пока’ сопровождается шанским

начертанием иероглифа 鹿 *лу* ‘олень’ — что, очевидно, должно вызывать ассоциации с популярными мемами, связанными с этим выражением, например, такими:

溜了溜了

Рис 11

溜了溜了

Рис 12

Такого рода комбинации, безусловно, забавны, артистичны и, вполне вероятно, действительно будут способствовать повышению интереса к китайским древностям (хотя стикеры Ли Цзы-и — пока что — ориентированы исключительно на внутрикитайскую аудиторию).

Тем не менее не следует забывать и о том, что любая популяризация исторического материала неизбежно сопровождается смысловыми искажениями (упрощениями, утрированиями, лишними коннотациями и т. п.). Не избегают этой участи и стикеры: собственно говоря, в тот момент, когда древнекитайское письмо превращается в стикер, оно перестает быть «письмом»

в собственном смысле слова и становится набором графических символов с размытым, абстрактным смыслом — аналогично обычным стикерам или эмодзи. Между тем, разумеется, в Древнем Китае эти символы играли не роль эмодзи, а передавали вполне обычные слова, сочетания, фразы на древнекитайском языке, имевшие определенный способ прочтения и настолько же однозначные способы понимания, как и аналогичный текст, произнесенный вслух.

В определенном смысле такого рода эстетизация иероглифа в современной китайской поп-культуре отражает не столько традиционные китайские представления о природе и структуре иероглифики, сколько ее европеизированную интерпретацию, корни которой уходят еще в XVII–XVIII века, к трудам таких выдающихся полиматов, как Джон Уилкинс и Г. В. Лейбниц; последние, опираясь на очевидно первопродческие и далекие от совершенства европейские описания китайской письменности, были склонны видеть в ней своего рода универсально применимую знаковую систему, снимающую различия между языками и пригодную для составления универсального словаря.

Между тем в самом классическом Китае уже с самого зарождения филологической традиции (в период правления династии Хань,

II в. до н.э. – III в. н.э.) было хорошо известно, что письменность, хотя она и уходит своими корнями в чисто изобразительную сферу, в первую очередь является инструментом для передачи звучащей речи, а не носителем каких-то общих смыслов, независимых от языка (на эту роль скорее подходили бы такие особые символы китайской культуры, как триграммы и гексаграммы Книги Перемен). Уже в самой первой дошедшей до нас классификации видов письмен, составленной автором первого крупного иероглифического словаря «Шовэнь цзецзы» («Толкование простых знаков и анализ сложных знаков») Сюй Шэнем (58–147 гг. н.э.), «знаки-картинки», аналогичные приведенным выше в таблице, выделяются лишь в одну, далеко не самую богатую категорию знаков. Подавляющее же большинство знаков китайского письма на самом деле оказывается напрямую скоррелировано со звуковой оболочкой записываемых ими китайских слов — настолько, что, например, два или более слова, никак друг с другом не связанные по смыслу, но произносящиеся одинаково или похоже друг на друга, могут записываться одним и тем же иероглифом.

Так, например, иероглиф 女, хотя он изначально был создан для записи слова 'женщина' (и действительно, по-видимому, представлял собой схематическое изображение женской фигур-

Рис. 13. Образец надписи на бронзовом сосуде в стиле цзиньвэнь (эпоха Ранняя Чжоу, XI-VIII вв. до н.э.)

ки), уже в древнейших гадательных надписях записывает не только — и даже не столько — существительное 'женщина', сколько местоимение 2-го лица 'ты', исключительно потому, что в древнекитайском языке эти слова, имеющие совершенно разное происхождение, произносились похоже: примерно как *нра* и *на* соответственно. Однако за три тысячи лет, отделяющие древнекитайский язык династии Шан-Инь от современных мандаринских диалектов, эти чтения изменились — сегодня они звучат как *нюй* и *жу* соответственно, что, разумеется, уже не позволяет обычному человеку без специальной подготовки осознать причину, по которой эти два слова когда-то записывались одним и тем же знаком.

Если говорить о чисто внешней стороне дела, то здесь мы имеем дело с определенным парадоксом. С одной стороны, понятно, что на роль чисто эстетического объекта древние формы иероглифов могут претендовать с большим успехом, чем современные — по крайней мере, в самом Китае, где обычная иероглифическая письменность не представляет собой экзотику. С другой стороны, сама по себе трансформация древних форм знаков в современные во многом была связана с популяризацией письма как такового — по мере распространения грамотности и увеличения числа сфер, в которых применялась письменность, возникала острая необходимость стандартизации и схематизации начертаний, упрощения их структуры для повышения скорости письма и адаптации его к новым писчим материалам (бамбук, шелк, бумага вместо вырезания на кости или металле). Древнейшими системами письма, судя по многочисленным косвенным свидетельствам, в Китае, как и в других древних государствах (Шумер, Египет), владела лишь определенная небольшая прослойка людей (жрецы, придворные летописцы и т.п.), использовавшая письмо в основном в сакральных целях — до сих пор остается неясным, насколько было распространено использование письма даже в столь важных целях, как экономические и административные.

Пожалуй, именно этот аспект — сакрально-ритуальные функции древнейших известных китайцам письменных знаков, а не какие-то их особенные эстетические свойства — и обеспечивал традиционно уважительное отношение к формам древних писем (хорошо известна, например, индустрия подделывания древних бронзовых сосудов эпохи династии Чжоу, на которых в средние века зарабатывались немалые деньги)

(см. рис. 13). Однако уважительное отношение при этом все же распространялось скорее на содержание надписей (перечисление заслуг правителей, восхваление добродетелей предков и т. п.), а не на внешнюю сторону; эстетическое наслаждение красотой иероглифа можно было скорее получить от обычной каллиграфии.

Забавная популяризаторская деятельность Ли Цзы-и и ей подобных, разумеется, не несет в себе ничего предосудительного; однако она заставляет вспомнить о том, что даже в строго научной синологической среде до сих пор не до конца изжито представление о китайском иероглифе как о знаке-«картинке», несущем в себе самостоятельное значение (или даже целое семантическое поле), независимое от живого, разговорного, бесписьменного языка. Такое представление, безусловно, актуально для китайского искусства, от поэзии до каллиграфии, но имеет мало отношения к повседневному использованию иероглифики как обычного письменного средства — как в современном, так и в историческом Китае.

С другой стороны, нельзя не отметить, что мы имеем здесь дело с совершенно уникальным культурологическим феноменом — ассоциативными связями между древнейшей из известных нам стадий цивилизации и, наоборот, наиболее современной и инновативной. Похоже, что такого рода феномен на сегодняшний день из всех мировых традиций может возникнуть и приобрести относительную популярность лишь в Китае — не только потому, что ни одна другая традиция не может похвастаться непрерывной преемственностью на протяжении трех тысячелетий, но и потому, что при всех успехах модернизации интерес к глубинным корням своей культуры в Китае на самом деле до сих пор затрагивает гораздо более широкие слои населения, чем в подавляющем большинстве других стран.

<http://www.sixthtone.com/news/1001101/digging-into-the-truth-of-archaeology>

<http://russian.people.com.cn/n3/2018/0402/c31516-9444793.html>

Литература по теме

Завьялова О. И. Большой мир китайского языка. 2-е изд. М.: Восточная книга, 2014.

Boltz William G. The Origin and Early Development of the Chinese Writing System. New Haven, Connecticut: American Oriental Society, 1994.

ЗАМКИ ЯПОНИИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В современной Японии одним из основных приоритетов при создании архитектурных сооружений стала их сейсмоустойчивость. На протяжении всей истории землетрясения и вызванные ими пожары были страшным бедствием для японских городов – бедствием, происходившим достаточно часто. Старинные постройки подвержены разрушениям от природных катаклизмов и сейчас. 21 июня японские СМИ сообщили, что из-за сильного дождя обрушилась ранее поврежденная землетрясением башня замка Кумамото на юге страны. Замок Кумамото сильно пострадал от землетрясения в 1015 году, с тех пор идет его реконструкция (замок планируют восстановить в первоначальном виде, хотя некоторые критики считают, что результат будет смотреться как аттракцион и китч).

Японские замки изначально предназначались для защиты от вражеских нападений. Постепенно они стали выполнять функцию дворцовой резиденции князей даймё, оставаясь и местом средоточия их военной силы. В средневековой Японии (середина XII – XVI вв.) князья даймё часто вели междоусобные войны, в связи с чем заказывали архитекторам все более совершенные фортификационные сооружения. Многие замки представляли собой небольшие недолговременные постройки, расположенные на склонах гор. Для защиты от штурма сооружались две или три линии оборонительных укреплений. Вдоль крайнего рубежа выкапывали ров, обращенную же к горе сторону огораживали частоколом. Каменные стены сооружали редко. Так как эти строения были нужны только в военное время, то и строились не навсегда.

Рис. 14. Замок Кумамото во время реставрации. Камни выложены в том порядке, в котором их нужно будет собрать заново в виде стен

К началу периода Сэнгоку (1467–1568; «период Воюющих княжеств») стали строить более прочные укрепления, замки стали многоструктурными комплексами. Если средневековые строились исключительно для военных целей, то новые замки стали строить и на равнинах – там, где постоянно проживали даймё. Пример такого равнинного замка (*хирадзиро*) – замок Эдо (совр. Токио). При расположении на равнинной местности замку потребовались дополнительные укрепления: каменные стены, рвы и земляные насыпи. Вокруг таких замков возникали города: так замок становился не только крепостью, но и административно-экономическим центром провинции.

Строительство замка начиналось с разбивки плана на местности, когда с помощью веревок отмечалась внешняя граница всех зданий комплекса. Классический замок состоял из цитадели (*хоммару*), центром которой служила главная башня. Вокруг цитадели сооружали оборонительные комплексы, которые могли соединяться с основной цитаделью или располагаться отдельно, и дворовые здания. В замок вели несколько входов. Замок был окружен рвом или системой рвов, прудами, водоспусками и траншеями. Чтобы добраться до главной башни, также требовалось преодолеть запутанный подобно лабиринту маршрут. Каменные стены на местах с твердой почвой в древности строили вертикально, а на менее надежных участках сооружали стены с искривленным профилем. В период

расцвета замкового строительства деревянные конструкции стали покрывать слоями огнеупорной штукатурки для защиты от огненных стрел.

Нововведения в замковой архитектуре появились в XVI веке, когда военачальники Ода Нобунага (1534–1582) и Тоётоми Хидэёси (1537–1598) начали новую серию междоусобных войн, впоследствии завершившихся образованием нового сёгуната и объединением японских земель под властью сёгунской династии Токугава. Между 1576 и 1579 годами Ода Нобунага строил гигантский замок Адзути. Укрепления замка недалеко от знаменитого озера Бива были очень высокими (башня замка Адзути была семиэтажной). Внутренняя цитадель имела неправильное восьмиугольное основание, поверх которого этаж за этажом поднимались восьмиугольные ярусы. Внутренние помещения украшали настенные росписи работы художника Кано Эйтоку (впоследствии живопись школы Кано станет классическим оформлением самурайских интерьеров). Замок был разрушен вскоре после смерти Ода Нобунага в 1582 году, но стал прототипом для будущих огромных замков. В конце XX века замок Адзути, кстати, реконструировали (точнее, построили заново).

Один из самых знаменитых японских замков расположен в городе Химэдзи, он также известен как Сирасаги, «Замок Белой Цапли», из-за схожести отточенных форм и элегантности, напоминающих эту белоснежную птицу. Возведение замка началось в середине XIV века саму-

Рис. 15. Золотые дельфины (*сяти*) на крыше замка Нагоя

райским кланом Акамацу. Вскоре замок перешел в руки семейства Кодэра, а в 1580 году – в руки Тоётоми Хидэёси, который добавил в конструкцию замка тридцать башенок. Один из последующих владельцев, Икэда Тэрумаса (1564–1613), добавил еще двадцать башенок. Замок Химэдзи один из самых больших – он уступает в размере только Осацкому замку. Еще один известный замок расположен в городе Нагоя, он был построен Токугава Иэясу на месте небольшого заброшенного замка, который когда-то занимал Ода Нобунага. Город Нагоя вырос вокруг замка, представляющего собой великолепный образчик архитектуры поздней эпохи Адзуты-Момояма. Пятиэтажная башня была уничтожена во время Второй мировой войны, но позднее реконструирована. Копии пары его знаменитых *сяти* – дельфиноподобных морских созданий – расположены по краям конькового бруса новой железобетонной цитадели. Сохранились три угловые башни, трое городских ворот и каменные стены. После битвы у Сэкигахара (1600) замки стали строить князья-даймё по всей Японии. Многие из них сохранились и по сей день. Вскоре, правда, сёгунат Токугава выпустил указ, согласно которому в каждом княжестве мог быть только один замок. Каждому даймё было позволено сохранить только его главный замок.

Интересно, что несмотря на то что многочисленные туристы, посещающие Японию, часто считают ее визитной карточкой именно замковую архитектуру, в японской историографии национального искусства средневековые замки занимают не слишком высокое положение. Отчасти такая категоризация была задана, видимо, еще «основоположником» традиции описания японского искусства Окакура Какудзо (1862–1912), который писал об этом культурном слое так: «Искусство этой эпохи, как и следовало ожидать, более известно роскошью и пышностью красок, нежели своим внутренним смыслом. Украшения дворцов в стиле династии Мин, богатые упадочнически вычурными деталями,

появились вследствие контактов с корейцами и китайцами во время войн на материке, которые вела военная знать. Для новоиспеченных даймё потребовались дворцы, и своими размерами и великолепием они затмили более скромные владения сёгунов Асикага. <...> Пылкие и нетерпеливые даймё постоянно делали заказы изнуренным художникам, иногда даже требуя, чтобы дворец со всеми украшениями был закончен за день. Кано Эйтоку и его многочисленные ученики не прекращали работать, рисуя необъятные леса, птиц в пышном оперении, львов и тигров, которые символизировали храбрость и величие, среди этой грандиозной сумятицы в жизни своих покровителей» (*Окакура К. Идеалы Востока // Искусство Японии на рубеже XIX–XX веков: взгляды и концепции Окакура Какудзо. М.: РГГУ, 2015*). Окакура, ставший одним из классиков японского искусствоведения, писал свои работы в конце эпохи Мэйдзи, когда одной из первостепенных задач недавно восстановленной японской монархии было размежевание с традициями сёгунатов.

Искусство замкового строительства постепенно пришло в упадок – а сейчас возрождается своеобразным способом, в виде имитации «японской старины».

Drum tower' collapses at Japan's quake-hit Kumamoto Castle // <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/drum-tower-collapses-at-japans-quake-hit-kumamoto-castle>

Литература по теме:

Стенли-Бейкер Дж. Искусство Японии. М.: Слово/Slovo, 2002

Леценко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Крафт+, 2010

История японской культуры: учеб. пособие для вузов / Отв. ред. А.Н. Мещеряков. М.: Наталис, 2011

Научное издание

Заказное издание

Восточная панорама

Актуальный бюллетень Лаборатории востоковедения и компаративистики
ШАГИ РАНХиГС

№ 2 (6) (лето 2018)

Редактор *Елена Шумилова*
Компьютерная верстка и дизайн *Вадим Лурье*

Подписано в печать 10.09.2018

Усл. печ. л. 1,0 Илл. 8

Тираж 30 экз.

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр. Вернадского, 82-84